

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПОВЕСТИ «ПАКУТЫ ХРЫСТА»

В языковой мозаике многоэтничного Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского к XIV веку сформировался старобелорусский, или западнорусский, литературно-письменный язык. Немаловажную роль в становлении белорусского языка сыграл русский культурно-этнический элемент, отсылающий к культуре тогдашних потомков кривичей, дреговичей и радимичей¹. До 1696 года государственным, официально-письменным языком Великого княжества Литовского был «западнорусский язык в белорусском варианте»², «западнорусский вариант церковнославянского языка»³. В белорусской письменности XVI века (период расцвета) старобелорусский язык был обозначен как «русский языкъ», «рус(ь)кий е(я)зык» по аналогии с этнонимом Русь, в версии уточненной – Белая (северная) Русь. Существовали также определения «проста мова», «просты диалект руски» в отличие от церковнославянского, древнерусского извода старославянского языка («языкъ словенский», «славянорусский», «славянороссийский»).

Широкой сферой использования старобелорусского литературного языка была канцелярско-юридическая документация. На нем был написан большой корпус текстов: «Вислицкий статут» (1423–1438), переведенный с латыни статут 1347 года, «Статут Казимира Ягайловича» (1468), ранее известный как «Судебник 1468», «Статут Великого княжества Литовского» (1529 – первая, 1566 – вторая и 1588 – третья редакции), «Трибунал Великого княжества Литовского» (1581), большинство документов из почти 600-томного государственного архива (Метрики) ВкЛ. На старобелорусском языке велась документация в магистратах и магдебургиях, в городских, земских и замковых судах, при проведении переписи войск, инвентаризации;

---

¹ Л. Бэднярчук, *Спадчына Вялікага Княства Літоўскага ў беларускай мове*, Нью Ёрк–Кракаў–Люблін 2014, с. 2.

² Там же, с. 3.

³ Е.М. Siatkowska, *Szkice z dziejów literackich języków słowiańskich*, Warszawa 2004, s. 77.

в королевских канцеляриях Кракова и Варшавы писались документы, предназначенные для Великого княжества Литовского⁴. Государственный статус языка закрепляют «Литовские статуты»: «А писар земский по руску маеть литэрами и словы рускими вси листы и позвы писати, а не иньшим языком и словы» (1566), из людей «годных въ правѣ и писма руского умиетныхъ»⁵ (1588). Стал он также языком летописей, хроник и хронографов, научных работ, переводов общеевропейской художественной литературы. На старобелорусский язык переводилось Священное Писание (Франциск Скорина, Василий Тяпинский, Симон Будный).

В белорусском литературно-письменном наследии XV века достойное место занимает пассивная повесть апокрифического характера «Пакуты Хрыста» («Страсти Христовы»). Эта рукопись представляет собой первый перевод произведения религиозного содержания на старобелорусский язык. По средневековой Европе кружили различные редакции повести на латинском языке «Passio Christi». «Пакуты Хрыста» являются переработкой анонимной повести о Распятии Христа, Евангелия от Никодима (прежде всего «Актв Пилата»), «Золотой легенды» Иакова Ворагинского, трудов средневековых мистиков и схоластов. Произведение изобилует цитатами из Нового Завета, Бернарда Клервоского, Ансельма Кентерберийского, Беды Достопочтенного. К сожалению, имя переводчика до сегодняшнего дня остается неизвестным. По всему видно, что это был человек недюжинных литературных способностей, мастер живого слова и правдивого психологического портрета. Созданный им литературный шедевр впечатляет богатством рефлексии, реалистичностью и искренностью эмоциональных переживаний, динамичностью художественных образов, красотой стиля.

Е.Ф. Карский подчеркивал, что это произведение «як па часе яго напісання і па зместу, так і па асаблівасцях мовы з'яўляецца адным з выдатнейшых помнікаў старога заходнярускага пісьменства» («как по времени его написания и по содержанию, так по особенностям языка является одним из выдающихся памятников старой западнорусской письменности»)⁶.

Нашедшие достойную оценку в лице академика, «Пакуты Хрыста» были помещены им в сборник, именуемый в дальнейшем «Западнорусским списком XV века» (в тематическом единстве с двумя другими произведениями: «Жыцце Аляксея, чалавека Божага» и «Аповесць пра трох каралёў-валхвоў»).

⁴ *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А–Беліца / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: М.В. Біч і інш., Мінск 1993, с. 374.*

⁵ Л.М. Шакун, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Мінск 1963, с. 87.

⁶ Е.Ф. Карский, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва 1962, с. 263.

Этот сборник является частью национальной культурно-эстетической сокровищницы, основой дальнейшего развития восточнославянских литератур и культур. Академику Карскому вторил русский литературовед В.Н. Перетц: «Памятниковъ стараго белорусскаго наречія сохранилось такъ немного, особенно писанныхъ целикомъ на народномъ или деловомъ языке, более или свободномъ отъ церковнославянскаго вліянія, – что каждый изъ нихъ представляеть большой интересъ, какъ въ отношеніи языка – для лингвиста, такъ и въ отношеніи содержания – для историка литературы і культуры»⁷.

Рукопись повести «Пакуты Хрыста» сохранилась до наших дней в четырех списках, из которых самая ранняя принадлежала основателю публичной библиотеки в Варшаве епископу Юзефу Анджею Залускому. После 1794 года рукописный список XV века был выслан в Петербург и пополнил фонды Императорской публичной библиотеки. В настоящее время литературный памятник находится в книгохранилище Российской национальной библиотеки под номером QI, N 391. Повесть «Пакуты Хрыста» не имеет названия, начинается со слов «Мука Господа нашего Иисуса Христа от преворотных жидов таким обычаем сталасе есть»⁸. В произведении, объемом 38 страниц, 15 глав. Написано кириллицей, мелким полууставом, характерным для письменности XV века.

В тексте повести выразительно проявляется тенденция к модернизации коммуникативного акта в соответствии с культурными запросами адресата. Перевод осуществлялся в католических кругах, свободных от влияния церковнославянского языка и традиций православной культуры. На самом деле, практически отсутствуют церковнославянзмы, лишь за редким исключением встречаются слова: «Створитель», «пресласный», «сласная», Т. п. ед. ч. «тым овощем», «пред обличим», «како», «тамо», «откол», «иже», «нине», в 3 лице ед. ч. «говорит», «поздравила». В то же время единичными являются и латинизмы: «у третем капитулюм» (*capitulum*), «на Его экъсеквие албо службу» (*obsequium*), «увидевиши центуріе, который против стоял» (*centuria*), «пошли на местце Калваріе» (*Calvaria*), «некоторое матроны» (*matrona*).

Что касается количественного показателя заимствований из иностранных языков, то в тексте повести преобладают полонизмы, как лексические, так и фонетические, морфологические, синтаксические. Словарный состав белорусского языка особенно продуктивно и активно обогащался за счет

---

⁷ В.Н. Перетц, *Повесть о трёх королях-волхвах в западнорусском списке XV века*: В.Н. Перетц, *Памятники древней письменности и искусства*, Вып. 150. Санкт-Петербург 1903, с. 1.

⁸ *Пакуты Хрыста*, в: *Беларуская літаратура X–XV стст.*, укладанне, прадмова і каментарый І. В. Саверчанкі, Мінск 2010.

польского лексического материала. Кроме того, польский язык служил каналом заимствований не только из латинского, но и из других европейских языков, к примеру, немецкого, чешского, итальянского или венгерского.

В тексте повести «Пакуты Хрыста» встречаются следующие слова: П. п. ед. ч. «у фигуре» (польск. *figura* < лат. *figura*), В. п. ед. ч. «цибулю» (старопольск. *cybula* < др.-верх.-нем. *zibolle, zebulle* < лат. *cepulla*)⁹, «калвария» (старопольск. *kalwarya* < лат. *calvaria*), П. п. мн. ч. «крониках» (старопольск. *krojnika* < среднелат. *chronica*), Т. п. ед. ч. «паралижом» (польск. *paraliż* < лат. *paralysis*), «ленцух», «ланцохи» (польск. *łańcuch* < н.-верх.-нем. *lanncug*), «ритерь» (польск. *rycerz* < ср.-верх.-нем. *ritter*), Р. п. ед. ч. «працы» (польск. *praca* < чешск. *práce*), П. п. ед. ч. «у прасе» (польск. *prasa* < ср.-верх.-нем. *presse*), 2 л. мн. ч. «вы нехаите» (старопольск. *niechać* < чешск. *nechati*).

Рукописное наследие XV века обнаруживает лексическую и словообразовательную близость слов, принадлежащих двум языковым системам: польской и белорусской. Большая часть полонизмов срослась с белорусской лексической системой, утратила свое иноязычное звучание. В XV – XVI веках использование полонизмов придавало повествованию торжественность и языковую галантность, изысканность.

«Пакуты Хрыста» своей пестротой и непоследовательностью в употреблении языковых форм, непостоянством норм отражают механизм формирования стандартной редакции литературного языка.

Графическая система белорусского языка возникла на основе традиционной церковной кириллицы, которая не была приспособлена к передаче звуков живого белорусского языка. В истории белорусского литературного языка характерной чертой является значительное несоответствие между письмом и устной речью. Модель произношения (аканье, яканье, цеканье и дзеканье) не была последовательно и грамотно воспроизведена в письменной форме. В старобелорусских текстах редкие примеры живой речи воспринимались скорее как ошибки, отклонение от нормы.

Иногда переводчик приводит эквиваленты иностранных слов на родном языке, создает своего рода синонимический ряд, нанизывая друг на друга одинаковые слова, с разницей в звуковом оформлении: «текли и плыли», «велми» и «борзо», «утял» и «урезал», «тисеции» и «тысячи», «окрутне» и «горко». Текст содержит *гlossы*: «до Бетании, альбо до Вифаніи» и «у Ветании, альбо у Вифии» (речь идет о Вифлееме), «полценник, альбо сторож», «серединник, альбо злутьца», «без беды, альбо без горя», «волости, альбо моци», «тот келих, альбо чаша тая», «– Витай, мистру! Альбо: – Здоров буди мистру!», «– Укрижуй, альбо распни и!», «– Прягну а любо хочет ми се

⁹ А.М. Булыка, *Даўнія запазычанні беларускай мовы*, Мінск 1972, с. 353.

питии», «учинился червем, albo хробаком», «А потаи, albo таемно», «чувал, albo слышал», «збор albo рада». По мнению переводчика, эти синонимические пары призваны повисить коммуникативность, содействуя лучшему пониманию текста.

В тексте повести встречаются различия в написании, соответственно, и произношении слов: «крови» и «криви» и производного «роскрывавенео сердце»; «боранка» и «баранка»; «над слонца» и «Солнце»; «цнось» и «цно-та»; «ленцух» и «ланцухъ». Лексема 'крест' выступает в разных вариантах написания: «крест», «крижа», «с крыжа», то же в производных словах: «крижевое», «укрижованого», «– Укрыжуй и! – Я царя вашего укрижую!». Отсутствие единообразия заметно в употреблении взаимозаменяемых слов: «петух» и «кур», «царь жидовский» и «король жидовский». Однако наибольшее количество вариантов преподносят антропонимы и библейские топонимы, которые в конкретной языковой коммуникации имеют только один десигнат.

Поочередно называются собственные имена, написание которых продиктовано влиянием латинского или польского языков, традициями церковно-славянской антропонимики, а также проникновением в письменную речь диалектизмов, разговорного языка, отличающегося упрощенностью и вторичностью по отношению к письменному. Старобелорусский язык принимал разные звуковые формы, был открыт изменениям, внешнему влиянию и насыщению живой, сочной речью. Отсутствие кодификации языка позволило соединить в рукописи следующие варианты антропонимов:

Иисус Христос – Р. п. ед. ч. «Пана нашего Есус Христа», Р. п. ед. ч. «Господа нашего Иисуса Христа», «Кристос», «Христос», «Исус», «Исус», Р. п. ед. ч. «до Иисуса», Р. п. ед. ч. «Езуса», В. п. ед. ч. «Езоса», В. п. ед. ч. «Исуса Назаренского», Т. п. ед. ч. «со Исусом Кгалелійским».

Различаются между собой и перифразы: «милостівый Господь», «милостивый Бог», «милостивый Господь», «милостівый Господь», «милосивый Бог», «милостівый Пан», «Сын Божій», «О, Сыну Божий, Сыну Девичий».

Иуда Искариот – «Июдаш», Р. п. ед. ч. «от Юдаша», «Юда», «Июда», «Юда».

Иоанн Богослов – Р. п. ед. ч. «Иоана», Д. п. ед. ч. «Яну», «святыый Иоанн».

Ирод – «Герод», «Ирод».

Варавва – В. п. ед. ч. «Вараву», В. п. ед. ч. «Вораву».

Каиафа – «Каипа», «Каифа».

Из топонимов наиболее «проблемным» оказался *Вифлеем*: П. п. ед. ч. «до Бетании», «у Ветании», «до Вифаніи», «у Вифии». Менее существенными оказались различия в написании города *Иерусалим*: В. п. ед. ч. «до Ерузалемъ», П. п. ед. ч. «въ Ерусалиме», Р. п. ед. ч. «до Ерусалима».

Парадигма имени существительного в рукописи позволяет обнаружить интересные примеры языковой интерференции, не подлежащего никакому сомнению, влияния польских морфологических окончаний, способов сочетаемости слов. Существительные мужского рода в именительном падеже множественного числа имеют окончания: **-ове/ -ова** (польск. **-owie**): «учнове», «апостолове», «докторове и мистрове», «жидове», «жидова», «ангелове», «бесове»; окончание **-и (-i)** с чередованием **к / ц**: «законници» (законник), «писменници» (письменник); опять же под влиянием польского языка появляется окончание **-ата/-ята (-ęta)**: «княжата» (в единственном числе «княжа» говорится об апостоле Петре), соответственно в родительном падеже множественного числа «княжат», в дательном **-ом (-om)**: «княжатом»; «курята» (польск. *kurczę*). В творительном падеже множественного числа вместо давнего окончания **-ы, -и** достаточно часто выступает окончание **-ми**: «апостолми», «мечми», «гвоздми», «людми», «ритерми», «рожайми». Существительные женского рода в творительном падеже в единственном числе еще сохраняют архаическое окончание **-ию**: «горкостію», «моцію», «жалостію», «болестію», «навалностію».

В тексте повести «Пакуты Христа» в дательном падеже единственного числа существительных мужского рода последовательно используется окончание **-ови/ -еви (польск. -owi)**: «волкови» (и «волку»), «цесареви», «бискупови», «королеви», «Иоанови», «Малхушови», «Петрови», «Пилатови».

Несомненным достоинством произведения является его эмоциональная окрашенность, активизация воображения читателя (он становится свидетелем страстных мук Христа, соучастником событий, принадлежащих вневременному христианскому континууму), оперирование яркими контрастными образами. Текст превосходно передает интонации, свойственные живому диалогу, богат обращениями, вопросами, восклицаниями. Достигается эффект визуализации невербальной коммуникации (жесты, мимика персонажей). Необычайно важную экспрессивную функцию выполняют обращения. В рукописи существительные употребляются в форме звательного падежа, иногда автор-переводчик наслаивает несколько обращений, акцентируя значение того или иного: «О, преневерный злодею!», «О, прелихий человеце!», «О, прелихий Юдашу!», «несчастнику» и вместе с тем «О, милый приятелю!», что призвано подчеркнуть глубину предательства Иуды; «Сыну-солодкости единенія, питомный прелыток мой, радость живота моего! Потехо душе моее!», «О, милый Сыну! Сыну мой, надея едина моя и особное мое утешеніе!», «О, Марія! Матухно милостивая!», «наймилша госпоже!», «Ах, бедная смерти!», «Вы, наймилейши дочки!», «Дочки ерусалимские!».

Характерные для белорусского языка синтаксические группы типа «прилагательное + существительное», «местоимение + существительное» в тексте повести функционируют одновременно с конструкциями типа «существительное + прилагательное», «существительное + местоимение», которые возникают под влиянием польского языка, являются синтаксическими полонизмами: «мощь небесная», Р. п. ед. ч. «баранка великоденного», «рожай человечесей», Р. п. мн. ч. «до замков пекельных», Т. п. мн. ч. «с коры ангельскими», Р. п. ед. ч. «смерти крижевое», Р. п. мн. ч. «от покус дьявольских», В. п. ед. ч. «ухо правое», «Панна велебная», Р. п. ед. ч. «Пана нашего», В. п. ед. ч. «мистра своего», В. п. мн. ч. «ученики свои», «Отец мой», Р. п. ед. ч. «святости твоей», «око мое», «тело мое».

Тексту, призванному вызывать состояние максимального психического напряжения, свойственно нагромождение прилагательных высшей и превосходной степеней сравнения: «преганебный», «наимилейший», Д. п. ед. ч. «преокрутному», «найласкавший», Т. п. мн. ч. «прешередными», «прешляхетное», «пресласный», «пресмутное», «прелихий», «наимилейша», «прегоркое», Р. п. ед. ч. «краснейшаго», Р. п. ед. ч. «прекраснейшого», «препокорный», Р. п. мн. ч. «пресветых», «пречистая», «навышше», «прешкаредший», «претрухлена», «претяжкий», «благословлейшая», «преблагослелая». Встречаются примеры степеней сравнения наречия: «прегорко», «претяжко», «лепше», «велми жалобнее», «борздей», «лепшей». В создании степеней сравнения имени прилагательного и наречия показательным формантом является приставка **пре-**, свидетельствующая об усилении черт и свойств.

Среди существительных выделяется большой пласт абстрактных существительных, у которых превалирует суффикс **-ость/-есть (польск. -ość)**: «цность», Р. п. ед. ч. «льстивости», Р. п. ед. ч. «смутливости», Р. п. ед. ч. «трухливости», «милость», «бледность», «хитрость», «болость», «темность», Т. п. ед. ч. «горкостію», Т. п. ед. ч. «навалностію», «вельможность», «жалость», Р. п. ед. ч. «окрутности». Отглагольные существительные, обозначающие действие, чаще всего имеют суффикс **-ние**: Р. п. ед. ч. «потешеніа», Р. п. ед. ч. «удрученіа», «уплевание», «кованіе», «завешаніе», «дрыжаніе», «посмеваніе», «паданіе», «откупление», «покушеніе», «туженіа», «боленіе», «блюзненіе», «смилованье». На обозначение исполнителя действия появляются слова с суффиксом **-ца-** (польск. **-ca-**), продуктивным равно как для польского, так и белорусского языков: «розлуцца», «злутца», «выдавца», «розделца», Т. п. мн. ч. «вадцами» (вадца), «розмножьца», «творца», «розбойца», В. п. ед. ч. «мужобойцу», Д. п. ед. ч. «продавцу». У существительных женского рода выступает традиционный суффикс **-к-**: «Матка» (наряду с типично белорусским **-ухн-**: «Матухна»), «жонка», «овечка», В. п. ед. ч. «смердячку», «дочки». Интересным примером

может служить слово во множественном числе на обозначение женщин, не имеющих детей, иначе бездетных: «бездеткине» (морфологическое окончание *-e-* по аналогии со словами: *gospodynie*, *wychowawczynie*, *boginie*).

Рукопись повести приводит богатый иллюстративный материал, касающийся глагола, слов, которые называют события, процессы, действия и состояния. Активное использование глаголов, конструирование различных форм, локализация событий на определенном временном отрезке, делают произведение динамичным, вводят читателя как в пространство актуальных событий, как бы увиденных собственными глазами, так и универсальных, вневременных, что свойственно религиозным текстам. В тексте повести «Пакуты Хрыста» глагол употреблен в форме трех времен: прошлого, настоящего и будущего.

Прошлое время выражено главным образом с помощью перфекта. Здесь нет примеров аориста и имперфекта. В 1 и 2 лице обоих чисел выступает вспомогательный глагол, обозначающий лицо: *есми*, *есь*, *еси*, *есмо*, *есте*: «народльсе есми», «пришол есми», «сталася есьмь», «обецал есми», «продал еси», «забил еси», «чувал еси», «известован ми еси», «дали ми есте», «чули есте». Кроме того, в тексте встречаются примеры предпрошедшего времени, или плюсквамперфекта: «был ся порушил», «было отекло», «положил есми был», «пришол был». В 3 лице обоих чисел перфект употреблен без вспомогательного глагола, поскольку исполнитель действия обозначается с помощью существительного или личного местоимения: «убачил», «не могл», «притекл», «рекл», «ушол», «убегл», «сшод», «полецила», «не запомнел», «ждал», «будовал». Под влиянием польского языка глаголы с основной, оканчивающейся на заднеязычные *г*, *к*, сохраняют суффикс *-л-*. Подобных примеров не обнаруживает белорусское письмо XV века.

Настоящее время имеют исключительно глаголы несовершенного вида: «дадаеш», «радовалисе», «даваю», «деетсяя», «полецаеш», «отступует», «мовлю», «гневаемься», «мольт», «спиш», «не спит», «— Я есьмь.» или «— Несьмь».

В тексте два типа форм будущего времени: простое будущее время, образуемое от форм глаголов совершенного вида («поцелую», «уплюють», «ростягнуть», «выпорожнят», «уделайте», «премешкаеш», «прииду», «выдам»), и сложное будущее время, образуемое, соответственно, от форм глаголов несовершенного вида («будете хотели имати», «будеш терпети», «есмо мели ести»).

Частыми являются конструкции с модальным глаголом: «мушу я бити», «хочу рад учините», «мусило ся россети», «пополнити мел», «мел бых выслухати», «мусеш увидети».

В тексте повести «Пакуты Хрыста» категория наклонения представлена тремя формами: изъявительное, условное и повелительное. Безусловно, доминирующей, наиболее нейтральной формой в грамматической категории

наклонения является изъявительное наклонение: «Заню ж твой сторож ужо твоего Сына продал за тридцеть пенезей»; «Потом дальсе на молитву и почал Бога Отца взывати»; «А с того премышляніа свои святое мукі, упало на него тако велікое дрыжаніе, иж уси члонки, зубы и очи задрижали»; «Тут ся в нем наполнило оно пророчество».

Во 2 лице обоих чисел выступают синтетические формы повелительного наклонения: «не плачи», «учини», «потеши», «вложи», «возри», «кажи» или редуцированные: «выслухай», «ежь», «покинь», «престань», «чинь», «укрижуй»; «— Спице уже, отпочивайте», «плачте, а увидите», «чуйте а молитесе», «устанте», «уделайте», «Возмите да обейте». В 3 лице множественного числа повелительное наклонение выражается аналитически (с помощью частицы **нехай/нехайть**): «нехай зымають», «нехайть умреть».

Условное наклонение относится к гипотетическому действию, возможному в реализации в настоящем времени либо в будущем при каком-то условии, а также к действию, которое не было реализовано в прошлом и его уже не удастся осуществить. Встречаются формы: «бых учинил», «абых я умерл», «быхъ я умерла», «выкупила бы еси». Во втором случае можно привести предложение, содержащее примеры причастий и деепричастий: «Штобы ты была ведала, иж Сын твой — скарб небесный, за такъ марные и такъ малые пенязи мел продан быти, верно бы была бежала дом од дому просячи и жебрючи, а тую тридцать пенязий збираючи, Июде преганебному дала бы еси была».

Парадигму глагола представляют: 1) активные причастия: «ждучий», В. п. ед. ч. «клячучого», В. п. ед. ч. «нахиляючегося», В. п. ед. ч. «умываючого», В. п. мн. ч. «спячих»; пассивные причастия: «были уложоны и схованы», «продан Христом был», «есть продан», «есть посмевана», «еси зесморочон», «есть поднесон», «есть прибит»; 2) деепричастия — *несовершенного вида*: «просячи», «жебрючи», «рекучи», «не ведаючи», «потешаючи», «держаче», «отворяюще»; *совершенного вида*: «везъвавши», «выправивши», «доконавши», «не нашодши», «сторговавши», «узявши», «присягнувши», «дрыжачии и бачучи», «услышавше», «почонши».

Неопределенная форма глагола сохраняет традиционную форму на **-ти**, в результате чего в рукописи отсутствуют формы на **-ть**: «зымати и убити», «быти», «пополнити», «терпети», «чинити», «прибити», «дати», «умыти». Появляется безличная форма, оканчивающаяся на **-но**: «писано есть».

Необходимо отметить, что текст повести «Пакуты Хрыста» является ценным исследовательским материалом, требующим тщательного изучения языковых явлений, лексикона, фонетической системы и стилистики. Не возникает сомнений в том, что переводчик работал не с латинской редакцией «Passio Christi», а с ее польскоязычным переводом. Литературный памятник отражает черты, характерные для белорусского языка.

Находящаяся на стадии формирования, белорусская письменность не могла последовательно реагировать на языковые изменения, влияние различных говоров. В тексте сохраняется полногласие, типичные восточнославянские черты (группы **оро**, **оло**): «король», В. п. ед. ч. «дорогу», В. п. ед. ч. «бороду», «огород», «здоровье», «здоровое», «болото», «голос», «голова», «волосы», «же зо всех сторон корона тернова колола», П. п. ед. ч. «на дереве». Но в то же время наблюдаются примеры аканья: «табою», «тваю», «тагды», «кали», «на нагах». Отверждение шумящих согласных подтверждается следующими примерами: «жона», «ничога», «ужо», «вашого», «чоловече» (наряду со словом «человек»), «чому?», «чорна». Частыми являются примеры замены **в** на **у**: «усегды» (и «усегда»), «уси», «усеньким», «не уси».

Повесть «Пакуты Хрыста» является первой попыткой возведения живого белорусского языка в ранг языка религиозной литературы. Эту традицию достойно продолжил белорусский первопечатник, выдающийся деятель европейского Ренессанса Франциск Скорина.

Библиография

Карский Е.Ф., *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва 1962.

Перетц В.Н., *Повесть о трёх королях-волхвах в западнорусском списке XV века в*: В.Н. Перетц, *Памятники древней письменности и искусства*, Вып. 150. Санкт-Петербург 1903.

Siatkowska E.M., *Szkice z dziejów literackich języków słowiańskich*, Warszawa 2004.

Булыка А.М., *Даўнія запазычанні беларускай мовы*, Мінск 1972.

Бэднярчук Л., *Спадчына Вялікага Княства Літоўскага ў беларускай мове*, Нью Ёрк–Кракаў–Люблін 2014.

Пакуты Хрыста, в: *Беларуская літаратура X — XV стст*, укладанне, прадмова і каментарый І. В. Саверчанкі, Мінск 2010.

Шакун Л.М., *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Мінск 1963.

Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А–Беліца / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: М.В. Біч і інш., Мінск 1993.

Аннотация

Особенности языка повести «Пакуты Хрыста»

Внимание авторов статьи обращено на белорусское литературно-письменное наследие XV века, в котором достойное место занимает пассивная повесть апокрифического характера «Пакуты Хрыста» («Страсти Христовы»). Эта анонимная рукопись представляет собой первый перевод произведения религиозного содержания на старобелорусский язык. В статье приводятся примеры фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей литературного памятника. Во многих случаях обнаруживается лексическая и словообразовательная близость слов, принадлежащих польской и белорусской языковым системам.

Summary

Features of the language of “Пакуты Хрыста” (“Pakuty Hrysta”)

Author's research interests are focused on issues related to the literary and written Belarusian heritage of the 15th century in which the Passion Story of apocryphal character of “Пакуты Хрыста” (“Pakuty Hrysta”) takes a worthy place. This anonymous manuscript represents the first translation of a religious writing into Old Belarusian. The article contains examples of phonetic, lexical, morphological and syntactic features of a literary monument. In many cases the lexical and word-formational proximity of the words belonging to the Polish and Belarusian language systems is found.